

Михаил Петрович Старицкий

Будочник

(Рассказ из железнодорожной жизни)

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

В общей зале, на станции Лозово-Севастопольской линии, сидел я с некоторыми пассажирами за отдельным столиком и с нетерпением ожидал запоздавшего поезда.

Дело было в июне. Сильная гроза с проливным дождем только что миновала. По чистой, яркой лазури неслись отставшие, оторванные клочья пронесшейся тучи; она далеко уже клубилась темно-синей массой, прорезанную наискось светлыми полосами и отороченную красноватой каймой; по ней иногда вспыхивали отблески молний и изредка еще доносились к нам мягкие перекаты грома, лаская уже успокоенный слух. В открытое окно врвалась чудная свежесть воздуха, напоенная ароматом белых акаций.

Мы благодумствовали за чаем, сдобренным недурным коньяком, предложенным нам буфетчиком ввиду сырости, и поругивали железнодорожные порядки: каждый из нас торопился к месту своего назначения; но особенное нетерпение обнаруживал юный следователь, еще и не потерявший жизнь, но уже обозленный. Рыжеватая тощая фигурка его напоминала собою полишинеля, которого кто-то постоянно дергал за ниточку: он то и дело бегал то на перрон, то на телеграф, то к начальнику.

- На что это похоже! - горячился следователь, жестикулируя и не выпуская папироски изо рта. - Добро бы зима, ну - заносы, а то в такую благодатную пору и вдруг - опоздание.

- Хе-хе-хе! - добродушно ему подсмеивался старичок, чистенький, кругленький, с пресимпатичною улыбкой, никогда не сходявшею с его добродушного лица, - не последняя, как оказалось потом, шишка в железнодорожном персонале. - Жить торопитесь? Успеете еще, молодой человек, успеете!

- Да тут дело не в жизни, а в исполнении служебных обязанностей, - возразил несколько свысока искатель истины. - У меня очень важное дело в руках, и для расследования обстоятельств время очень дорого, а у меня его, по милости каких-то железнодорожных неурядиц, отнимают и дают тем возможность преступнику скрыть путеводные нити.

- Батенька! Да что уже можно было скрыть, то давно скрыто, - подтрунивал старичок. - Ведь пока обнаружилось преступление - прошло время; пока дали знать полиции - еще прошло время; пока полиция собралась сделать предварительное дознание - опять прошло время; пока, наконец, дали вам знать... верьте, что все концы уже спрятаны, и вас только встретит: "Знать не знаю, ведать не ведаю!"

- Ну, нет! У меня запоят и другую! - хорохорился следователь, поглаживая свою низко стриженную щетинку. - Я умею выворачивать им нутро... Я знаю ведь, что этого мужичья теплотой да ласковым словом не прошибешь: для него нет ничего святого!

- Будто бы? - усомнился старичок.

Я и сосед мой глубоко возмущались таким голословным обвинением нашего простого народа, но молодой следователь не унимался:

- Полноте, господа, разводить маниловщину! Я этот пресловутый народ изучил достаточно: верить ему нельзя ни в одном слове; только искусственными, келейными мерами и можно иногда добыть истину.

- Ой, не думаю! - возразил старик. - Я сам долго служил следователем по железнодорожным делам и к простому народу присмотрелся: верить-то можно и слову его, и преданности, а разгадать иной раз поступки его трудновато; меришь его по своей мерке, признаться, таки гниловатой, а она-то к его здоровой натуре и не подходит, ну, и никаких мотивов-то не доищешься. Иного человека, кажись, уже знаешь, как свои пять пальцев, соли с ним чуть не полтора пуда съешь, а выйдет случай, и окажется твой изведанный человек сфинкс сфинксом... Да вот, господа, эта гроза напомнила мне... какой был со мною раз случай, так верите ли, чуть под суд не попал... насилу отделался!

Мы все, заинтересованные вступлением, попридвинулись к словоохотливому старичку, и он, закулив сигару, рассказал следующее.

Дело был давно. Я еще служил на Кавказе начальником одной небольшой станции на только что отстроенной линии, недалеко от Тифлиса. У товарища моего по соседней станции служил сторожем некто Петренко Степан, уроженец Полтавской губернии, типичный хохлятина; гигант ростом, силищи непомерной, и при этом - добродушнейшая физиономия с кроткими карими глазами и длиннейшими усами, опущенными по-китайски вниз.